

*Послесловие жизни, или небольшой рассказ.
«Как создаются музейные коллекции»*

Г. А. Крупницкая

Вспоминая о событиях 1984 года, связанных с приобретением личных вещей Фаины Григорьевны Раневской (принято величать ее Георгиевной, но во всех документах - паспорте, наградных свидетельствах, дипломах и т.д. - она Григорьевна), нам со Светланой Петровной Тартановой сразу же пришел на ум афоризм великой актрисы: «Воспоминания - это богатство старости». Смягчив для себя немного, скажем так: «зрелости» и приступим к повествованию.

Фаина Григорьевна Раневская умерла 19 июля 1984 года - года, когда в Таганроге отметили 80-летие со дня смерти А.П. Чехова и готовились праздновать 125-летие со дня рождения писателя. В музее создавали новую литературную экспозицию в здании бывшей мужской гимназии, в связи с чем руководство музея часто бывало в Москве. В августе Евгения Петровна Коноплева, будучи в Государственном литературном музее, директором которого в те годы была удивительная женщина, обладавшая блистательным умом, необыкновенной эрудицией, великолепным чувством юмора, - Наталия Владимировна Шахалова, узнает, что подруга и душеприказчица Ф.Г. Раневской Нина Станиславовна Сухоцкая ищет контакты с таганрогским музеем. Буквально в тот же вечер, а кто знает Евгению Петровну - она привыкла действовать оперативно, они встречаются в центре Москвы в Богословском переулке в квартире Нины Станиславовны.

Первоначально речь шла о записках Раневской, в этом Сухоцкая отказала, но сообщила, что незадолго до смерти Фаина Григорьевна хотела передать в таганрогский музей ряд предметов. И действительно, на протяжении ряда лет сотрудниками музея велась переписка с великой актрисой, по понятным причинам музейщики всегда что-то клячили. Нам удалось разыскать последнее такое обращение, оно было написано 30 мая 1984 года, в котором выпрашивались материалы, связанные с участием Раневской в спектаклях и фильмах по произведениям А.П. Чехова. К сожалению, просьба была исполнена после смерти адресата. В ходе разговора Сухоцкая предложила музею приобрести предметы обстановки из квартиры Раневской. Мы сейчас можем только представить состояние Евгении Петровны: с одной стороны, возможность приобрести музею уникальную коллекцию, связанную с именем великой актрисы, уроженки Таганрога; с другой - огромная по тем временам сумма денег, которыми музей не располагал. Утром Евгения Петровна связалась с начальником областного управления культуры Аллой Дмитриевной Бочаровой и заведующей отделом культуры Таганрога Тamarой Прокофьевной Бувалко. Они созвонились с Евгением Владимировичем Зайцевым, который в те годы был первым заместителем министра культуры СССР. В результате деньги музею для приобретения коллекции Раневской были выделены. То есть с этого момента все остальное, как говорится, было «делом техники».

И вот в середине декабря меня, тогда зам. генерального директора музея-заповедника по исторической части, и Светлану Петровну Тартанову - главного хранителя музея-заповедника, командировали в Москву для приобретения и доставки личных вещей Ф.Г. Раневской. В те годы отправка транспорта и привоз чего-либо из столицы было делом серьезным и хлопотным, а в связи с надвигающимся юбилеем - и «многофункциональным». В силу чего обязанности между нами были распределены следующим образом: я отвечала за транспорт и все оргмоменты, плюс мне было необходимо получить в комбинате «Росреставрации» недостающие осветительные приборы и ковровые наборы для

литературной экспозиции. Светлане Петровне были поручены все денежные операции и оформление документации. Итак, мы в середине декабря появились в Москве, причем я приехала немного раньше в силу хозяйственных поручений.

По приезде в тот же день Светлана Петровна встретилась с Ниной Станиславовной Сухоцкой, и здесь просто необходимо несколько слов сказать об этой славной, удивительно милой женщине. С Фаиной Григорьевной они дружили с начала 30-х годов. Нина Станиславовна была ведущей актрисой в Камерном театре А. Таирова. В 1934 году она вместе с Раневской снялась в фильме М. Ромма «Пышка» по Ги де Мопассану. С 1949 по 1966 годы была доцентом ВГИКа, очень много работала на радио. Да и Раневская переехала в дом в Южинском переулке с высотки на Котельнической набережной по настоянию Сухоцкой. Вот как об этом вспоминает Алексей Щеглов: «В 1969 году Раневская по настоянию своей подруги Нины Сухоцкой, жившей по соседству, переехала в кирпичную 16-этажную «башню» в Южинском переулке, в «тихий центр». Наверно, это было правильно - Фаине Георгиевне стало легче жить: театр был рядом, забегали актеры, дом был построен скучно, но капитально - «для хороших людей».

Надо заметить, что в Москве в то время такие дома назывались «детинцами», их строили в центре Москвы, и обычно партийная или чиновничья элита отселяла туда семьи взрослых детей, ну а чтобы не волновать общественность, несколько квартир выделяли для людей из мира науки и искусства.

Я поселилась у родственников, оформила получение осветительных приборов в комбинате «Росреставрации» на Крестьянской и ковролина на Бауманской. Вечером, созвонившись с Таганрогом, получила подтверждение, что машина в пути. На следующий день Светлана Петровна занялась оформлением финансовых документов, разрешением на вскрытие опечатанной квартиры Раневской и получением в отделе кадров Театра имени Моссовета правительственных наград Фаины Григорьевны.

И вот мы встретились в доме великой актрисы. За окном стоял промозглый серый декабрьский день. Делясь сейчас ощущениями прошлого, мы сошлись в восприятии тех событий: двухкомнатная квартира своим видом была похожа на декорацию к последней сцене «Вишневого сада» - поражало обилие увядших комнатных цветов, особенно громадное дерево китайской розы, которая зацвела и отцвела без хозяйки, сухими алыми цветами были усыпаны пол и сидения кресел великолепного гарнитура из карельской березы с удивительными лебедиными поручнями, на стенах висело множество фотографий, пришпиленных к обоям медицинскими иголками. Этот мебельный гарнитуран Раневская приобретала для этой квартиры.

Алексей Щеглов вспоминает: «Раневская вместе с Ниной Станиславовной и со мной ездила в хозяйственные магазины, покупала для дома крючки, лампы, занавески. Купила Фаина Георгиевна и гостинный гарнитуран из карельской березы с лебедиными шеями и головами вместо ножек. Надо было устанавливать, прибивать, вешать. Наконец все устоялось. На стенах любимые фотографии с дарственными надписями - от Рихтера, Пастернака, Шостаковича, Ахматовой, Улановой, Бабановой, Вульф; висели - рельеф Пьеты, гипсовый контррельеф Пастернака, виды Кракова, фотографии собак. На полке стояла скульптура Чехова с до неузнаваемости вымытым домработницей лицом. Как всегда было много цветов».

Возвращаемся в момент нашего присутствия в квартире: помимо увядших цветов, бросалось в глаза отсутствие многих предметов: не было бюста Чехова, на стене виднелись следы от снятых картин и фотографий. Нина Станиславовна объяснила это тем, что многие после кончины «Фуфы» хотели взять себе что-нибудь на память. Как бы в подтверждение вышесказанного в момент составления описи в квартиру вошла народная артистка СССР Вид из окна спальни. Ия Саввина и выпросила у Сухоцкой фотографию И. Смоктуновского с автографом. И еще надо заметить, что Фаина Григорьевна сама любила одаривать своих гостей всем, что им приглянется. Ее жажда делать всем подарки доходила до абсурда: подарив шубу, она оказалась без верхней одежды, причем дело было зимой, и, как

рассказывала Нина Станиславовна, Ф.Г. Раневская, надев на себя что-то непонятное, срочно поехала с нею покупать пальто. Раневская была верна самой себе: «Я знаю самое главное, что надо отдавать, а не хватать». Не увидели мы и телевизора, коего «она в конце концов признала - выуживала оттуда полюбившихся актрис и актеров. Так она открыла для себя Наталию Гундареву, Елену Камбурову, Марину Неелову. Марину она пригласила к себе, а потом очень привязалась к ней и искренне полюбила». В спальне нашествию поклонников фетишей подверглись ее стол и книжный шкаф, который был наполовину опустошен. Не в осуждение будет сказано, но все в этом случае подумали о себе, о неодушевленном предмете, который каким-то образом связывал их с любимой актрисой, а не о живом, не о тех, кого она очень любила - о цветах, и дали им погибнуть. На кухне сиротливо висел кухонный фартук, на столе стояла небольшая чашечка. В туалете лежали толстые журналы для чтения.

Самым тяжким было срывать со стен и вытаскивать и паковать вещи, окружавшие ее, бывшие частью бытия великой актрисы - яркой личности, удивительной женщины. Бесцеремонность этих незваных гостей, о которых хозяйка и слухом не слыхивала, а они вторглись в привычный уклад и разоряют ее дом, оставили у нас на душе неприятный осадок.

Вечером уставшие мы зашли к Нине Станиславовне попить чаю. Маленькая двухкомнатная «трамвайчиком» квартира, скорее всего, была образована из бывшего коридора барских апартаментов. Это был удивительный вечер. Сухоцкая рассказывала о себе, Фаине Григорьевне, величайших именах советского искусства – рассказ «о времени и о себе». В тот вечер она показала записки Раневской. Она уже не была так категорична в отказе передачи их музею, но, как она говорила, у нее были обязательства, и когда она их выполнит, то передаст записки музею. К сожалению, этому не суждено было сбыться.

Расставшись с Ниной Станиславовной, мы вышли к Тверской. Тихо падал снег. Дойдя до Пушкинской площади, мы расстались. Буквально через несколько минут после моего прихода домой раздался телефонный звонок шофера, присланного из Таганрога. Так как со стоянкой машины и гостиницей для него было договорено, то, обговорив завтрашний день, назвав адрес гостиницы, я с чувством выполненного долга предалась общению с родней. Вдруг звонок раздался снова: наш горе-водитель сообщил, что он забыл паспорт и в гостиницу его не селят, и вообще, он плохо ориентируется в Москве. Втолковала ему, где я нахожусь, хорошо, что это центр и большой охраняемый двор, где можно было оставить машину. Я здесь рассказываю об этом потому, что этот парень, производивший впечатление «увальня», в сложной ситуации повел себя ответственно и решительно. На следующий день, загрузившись осветительными приборами и ковролином, в обед мы приехали в Южинский переулок, где нас ждали Светлана Петровна и Нина Станиславовна. Погрузив вещи Фаины Григорьевны, опечатав машину и отправив ее в путь, мы сердечно распрощались с Сухоцкой, с которой до самой ее смерти сохранили теплые, дружеские отношения: «Не теряю надежду выбраться весной в Таганрог на несколько дней. Обнимаю вас сердечно, Галюше самые добрые чувства и пожелание, Екатерине Николаевне и Евгении Петровне кланяйтесь. Всегда Ваш друг. Н.С.» (из письма Нины Станиславовны к Светлане Петровне Тартановой).

Музеем, согласно протоколу фондово-закупочной комиссии, было приобретено у Нины Станиславовны Сухоцкой, душеприказчицы народной артистки СССР Фаины Григорьевны Раневской, 103 предмета на сумму 10 800 рублей (зарплата сотрудника музея в то время 85-100 рублей в месяц). Среди этих предметов были вещи, которые, помимо мемориальной ценности, являлись антиквариатом. Для их приобретения потребовалось заключение экспертного совета ГИМа. Также в дар музей получил 313 предметов, что в общей сложности составило 416 единиц хранения. Этот фонд - не закрытое собрание, до и после он пополняется новыми экспонатами, на сегодняшний день насчитывает более 500 единиц хранения.

Многие годы в музее работает выставка «Беспокойный талант», автор - старший научный сотрудник Т.А. Артюшкина. В том году выставка, посвященная Ф.Г. Раневской, созданная сотрудниками нашего музея, будет работать в Ростовском областном краеведческом музее и Новочеркасском музее Донского казачества.

Опять вернемся к событиям 1984 года. Отправив машину, поздним вечером мы со Светланой Петровной сели в поезд, проснулись уже далеко за Курском. За окном разыгралась метель, и подумали мы об одном и том же, и проговорили: «Как же нам хорошо и уютно качаться на полках, пить чай из стаканов с подстаканниками, а как там на трассе?!». Говорят же, что мысли материализуются. По приезду мы узнали, что наша машина попала в аварию: ее занесло, и она слетела в кювет. Для того чтобы ее вытащить, необходимо было освободить от груза. К чести нашего водителя, ни один предмет, даже самый маленький, не был утрачен, и груз не пострадал. Я думаю, в его жизни эта поездка стала тоже незабываемой. Так сложилась музейная коллекция народной артистки СССР Фаины Григорьевны Раневской. Из поездки мы привезли и три предмета от Т.В. Блаватской, относящихся к П.П. Шмидту, но это уже другая история.